

УДК 94(47).035

С.Л. Кинёв

**МОСКОВСКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И В ЛЕТОПИСАНИИ XV в.**

На основе разрозненных и немногочисленных свидетельств сделано предположение о более значительном, чем предполагалось ранее, влиянии одного из представителей московского княжеского дома, младшего сына великого князя Дмитрия Ивановича (Донского) на политическую жизнь Северо-Западной Руси, а также на ситуацию в Московском княжестве накануне и в начале династических войн. В частности, князь предстает как талантливый администратор, дипломат и полководец, действующий в соответствии со сложившимися к началу XV в. политическими нормами.

Ключевые слова: Северо-Восточная Русь XV в., Северо-Западная Русь, межкняжеские отношения, галицкие князья, династические войны, русское летописание XV в., историография.

Изучение истории в глобальном масштабе и акцентирование внимания исследователей на событиях и героях, ярко обозначенных в источниках, зачастую приводят к некоторому искажению событий в деталях, иногда очень значимых. Особенно заметно это на примере оценки деятельности отдельных людей. К их числу можно отнести, в частности, московского князя Константина Дмитриевича. Несмотря на то, что он никогда не занимал великокняжеского стола, определение «московский», данное ему летописцем, безусловно, справедливо, так называли всех князей – потомков Ивана Калиты, а не только старшего, как это будет принято в конце XV в.

Он стал одним из первых возмутителей спокойствия в московской княжеской семье в XV в. Исследователи традиционно уделяли ему немного внимания. Князь упоминается в историографии в связи с отдельными событиями. Первым отмеченным серьезным действием Константина стало его наместничество от имени своего брата великого князя Василия I во Пскове в 1407 г. и в Новгороде годом позже. Историки удостоили данное событие простым упоминанием [1. С. 104, 106, 107, 116].

В очередной раз младший сын великого князя Дмитрия Ивановича попал в поле зрения историков в ситуации составления духовных грамот (завещаний) Василия I Дмитриевича. В его третьей духовной речь идет о передаче великого княжения малолетнему сыну Василию Васильевичу под гарантии дядей наследника, князей Петра Дмитриевича и Андрея Дмитриевича [2. №22. С. 62]. Константина среди них нет, притом, что во второй духовной он среди опекунов назван [2. №21. С. 59]. Авторы, обратившие внимание на данное обстоятельство, сделали вывод о том, что великий князь не включил младшего брата в завещание, поскольку опасался его претензий на великое

княжение, как полагал, например, Н.М. Карамзин, считавший его честолюбивым претендентом наравне с князем Юрием Дмитриевичем [1. С. 122].

Особый случай – выступление Константина Дмитриевича против старшего брата в 1419 г. (В «Истории государства Российского» событие отнесено к 1420 г.). Н.М. Карамзин упомянул о нем в связи с новгородско-московским конфликтом, который посчитал более существенным событием [1. С. 119]. Конфликт двух московских князей называется, таким образом, явлением незначительным, как не самым влиятельным выглядит и сам князь-«оппозиционер». Традиция восприятия младшего из сыновей великого князя Дмитрия как фигуры второстепенной сохранилась, тем более что летописи содержат отрывочную и достаточно краткую информацию о действиях этого представителя княжеской семьи. С.М. Соловьев, констатируя претензию князя Константина на сохранение «старины» в наследовании великокняжеской власти, был уверен, что тот «скоро уступил требованиям старшего брата» [3. С. 391]. Характерно, что исследователи первое время не задавались вопросом о том, почему именно самый младший из братьев великого князя, не имевший ни малейших шансов на получение великокняжеского стола ни в силу очередности («дождаться» смерти четырех старших братьев было практически невозможно), ни в силу традиции (младшие братья должны были уступать старшинство своим старшим племянникам), выступил против подчинения малолетнему племяннику.

Ответ на этот вопрос предложил А.Е. Пресняков. Он совершенно точно указал на причину, которая могла бы подвигнуть младшего сына великого князя Дмитрия Ивановича на выступление. Его интересовало только место в семье и невозможность «быть подписанным» под племянником

в грамотах, поскольку это сказывалось на его статусе и в московской семье, и вообще среди князей Северо-Восточной Руси [4. С. 383–384]. Советские историки, изучавшие в основном масштабные политические и социально-экономические процессы, не интересовались князем, о котором сохранились лишь отрывочные сведения, тем более что в рамках марксистской концепции его деятельность не могла изменить видения исследователями процесса «образования единого русского государства». Восприятие Константина Дмитриевича как незаметной фигуры нашло своеобразное отражение в ставшей классической монографии Л.В. Черепнина. Этот князь не упомянут даже в связи с причинами так называемой феодальной войны, хотя именно его выступление стало первым признаком назревавшего конфликта [5].

Из советских исследователей внимание на этого князя обратил лишь А.А. Зимин. Он продолжил мысль А.Е. Преснякова в объяснении конфликта 1419–1421 гг. Однако примирение великого князя с младшим братом в 1421 г. осталось не замеченным исследователем. Историк полагал, что еще в 1423 г., к моменту составления третьей духовной грамоты Василия I, младший Дмитриевич был «князем-изгоем» [6. С. 33], и допустил продолжение «изгойства» Константина до 1425 г. [6. С. 56]. Где и на какие средства жил в этом случае в течение четырех лет Константин Дмитриевич – остается загадкой. Ситуация в трактовке А.А. Зимина становится еще менее объяснимой, если мы обратим внимание на то, что с вокняжением малолетнего Василия II его младший дядя, получив приращение к уделу, остается вполне лояльным и действует против Юрия Звенигородского [6. С. 33]. С точки зрения исследователя, для Константина Дмитриевича малолетний великий князь был значительно выгоднее, чем могущественный Юрий Дмитриевич. Данное объяснение не может быть принято, поскольку из факта правления бояр за малолетнего Василия II не следует, что власть была слабой, так же как стремление князя Юрия действовать в соответствии с традицией не грозило удельным князьям неприятностями. Кроме того, звенигородский князь единственный из сыновей великого князя Дмитрия Ивановича, кто наделил Константина из своих земель в соответствии с духовной грамотой отца [2. № 12. С. 35; №24. С. 64, 65, 66, 67]. Василий Дмитриевич, со своей стороны, дал младшему брату земли, часть которых должна была принадлежать князю Петру Дмитриевичу. На этом фоне настороженное отношение младшего из сыновей Дмитрия к князю Юрию Звенигородскому маловероятно. В итоге, в исто-

риографии можно увидеть незначительного по политическому весу, но честолюбивого удельного князя, который, возможно, поддерживал Юрия, второго по старшинству из детей Дмитрия Ивановича (Донского). Основной его целью было соблюдение своей «чести» и, может быть, претензия на великое княжение. В любом случае он выглядит как борец за «старые» принципы межкняжеских отношений, в силу своей малозначительности не представлявший реальной угрозы амбициям старшей ветви потомства Дмитрия.

Показания источников при всей своей скудности позволяют несколько иначе посмотреть на этого князя. Константин Дмитриевич родился незадолго до смерти отца. О полном уделе его мы представления не имеем. В одной из духовных грамот Василия I упоминаются Устюжна и Тошна, пожалованные великим князем брату, кроме того, по завещанию Дмитрия Ивановича каждый из старших братьев должен был выделить земли со своего удела, но неизвестно, было ли это сделано [2. №20. С. 57]. Во всяком случае, к 1433 г. он княжил в Угличе [7. 172; 8. С. 188]. Невозможно сказать и о том, насколько стабильным по составу был удел Константина. И Тошна, и Углич, в котором Константин Дмитриевич будет князем к 1433 г., – это земли, подлежащие по духовной его отца передаче князю Петру Дмитриевичу [2. №12. С. 34], но в 1400-е гг. принадлежавшие серпуховским князьям [2. №16. С. 43, 44; №17, С. 47]. Договор Василия II с Юрием Дмитриевичем Звенигородским, заключенный в 1428 г., указывает на то, что Константинову ко времени «докончания» принадлежали московские волости Шачебал и Ликурги, а также звенигородские волости, уступленные ему Петром и Юрием Дмитриевичами соответственно [2. №24. С. 64, С. 66]. К началу 1430-х гг. Константин владел Ржевой [6. С. 87]. Таким образом, в его удел входили как собственно московские земли, так и великокняжеские, и «примыслы» – земли, не входившие ни в великокняжескую область, ни в собственно московские земли, ни в так называемые «купли» Ивана Калиты, и его удел по своему составу не отличался от уделов других московских князей.

Молодой князь довольно быстро начинает играть значительную роль в политической жизни Руси. Впрочем, невозможно согласиться с утверждением А.Е. Преснякова о том, что в 1401–1402 гг. он находился во враждебных отношениях с великим князем [4. С. 382–383], поскольку князю в это время было 12–13 лет, то есть он был несовершеннолетним и вряд ли мог распоряжаться даже своим уделом. Большинство московских кня-

зей начинали свою политическую деятельность в возрасте 17–21 года. Поэтому можно даже сомневаться в существовании на тот момент самого удела. Враждебное отношение невозможно и потому, что в 1407 г., в возрасте 18 лет, Константин появляется во Пскове как наместник своего брата [9. С. 94; 10. С. 30; 11. С. 400], а годом позже – в Новгороде «в великого князя место» [11. С. 400; 12. С. 405].

Судя по данным Псковской I [10. С. 30] и Новгородской I летописей, Константин Дмитриевич может быть оценен как достаточно успешный администратор, полководец и дипломат. Псковский летописец, повествуя о наместничестве Константина, утверждал: «...князь великий Константин еще оуны сыи, но оумом совершенъ...». Во всяком случае, Псковская I летопись уделяет ему больше внимания, чем его более взрослому брату Андрею, также бывшему перед этим наместником во Пскове. Новгородская I летопись упоминает об успешных новгородско-ливонских переговорах с участием этого князя в 1420 г.

В 1419 г. именно он, а не его старшие братья Юрий, Петр и Андрей Дмитриевичи выступил против унизительного для них решения великого князя закрепить в одной из грамот старшинство своего сына по отношению к остальным московским князьям, что объясняется несколькими причинами. Звенигородский князь Юрий, по видимому, не ощущал серьезной угрозы для своего положения как наследника великого княжения. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что третья духовная грамота Василия I лишь предположительно говорит о возможном получении великого княжения будущим Василием II [2. №22. С. 61]. Петр и Андрей, со своей стороны, еще в 1401–1402 гг. отказались от своих прав на великое княжение в пользу потомства старшего брата [2. № 18. С. 52] и позднее претендовать на него или на статус, равный статусу детей Василия Дмитриевича, не могли. Константин Дмитриевич такого рода договор с великим князем не заключал и, соответственно, имел основания для выступления. События 1419–1421 гг. позволяют полагать, что Константин был серьезной угрозой для планов великого князя передать старшинство малолетнему сыну. Князь лишился своего удела, а его бояре – свободы и вотчин [7. С. 165; 11. С. 412–413; 12. С. 427–428]. Такая расправа показывает, что Василий I увидел серьезную угрозу в данном демарше. То, что конфликт длился два года, также указывает на неготовность обеих сторон примириться.

Что изменилось к 1425 г. – определенно сказать невозможно. В 1423 г. он, как было отмечено

исследователями, не вошел в число опекунов, но это не означает открытого конфликта между братьями. Уже в 1425 г. Константин Дмитриевич участвовал в совете вместе с великой княгиней Софьей, митрополитом Фотием, князьями Петром и Андреем Дмитриевичами относительно конфликта с Юрием Дмитриевичем [7. С. 167; 8. С. 183]. Предположительно в это время князь получил от имени Василия II в пожалование Ржеву [6. С. 33]. Сам факт пожалования, совпавший с сомнительным, с точки зрения современников, вокняжением Василия Васильевича, наводит на мысль о принципиальной важности позиции этого удельного владельца. Интересно и то, что князь получил Ржеву – город, во-первых, пограничный, что уже само по себе требует от князя особого к нему внимания; во-вторых, спорный с Литвой. В 1449 г. Казимир попытается забрать город в качестве платы за помощь Василию II в 1446–1447 гг. Отдавая Ржеву Константину, бояре московского великого князя явно надеялись отвлечь его от возможной борьбы за великое княжение. Дальнейшие события показали и то, что им это вполне удалось, и то, что именно новые пожалования от имени великого князя удержали углицкого князя от открытого выступления на стороне князя Юрия Дмитриевича Звенигородского.

Судя по летописям, Константин Дмитриевич, по меньшей мере формально, выполнял обязательства перед Василием II. В 1425 г. по приказу племянника совершил против Юрия Дмитриевича Звенигородского поход. Военные действия, как известно, завершились неудачей из-за того, что Константин «не смог» перейти с войсками разделяющую их с Юрием реку [7. С. 167; 8. С. 183]. В 1428 г. он, как союзник молодого великого князя, в числе прочих заключил коллективный договор со своим братом Юрием [2. №24. С. 63–67].

Однако в 1433 г., после начала открытого конфликта между князьями Юрием Звенигородским и Василием II ситуация изменилась. Боярин Василия Васильевича И.Д. Всеволожский, бежавший из Москвы от великого князя, сначала отправился в Углич к Константину и только после этого присоединился к открыто враждебному в отношении племянника князю Юрию Звенигородскому [7. С. 172; 8. С. 188]. Можно предположить, что углицкий князь фактически поддерживал своего старшего брата. В соответствии со своим положением «младшего брата» своего племянника, фактически обозначенным в договоре 1428 г., он обязан был арестовать И.Д. Всеволожского и выдать великому князю, однако не сделал этого, позволив тому продолжить интриги.

Точная дата смерти Константина Дмитриевича неизвестна. Наиболее вероятное время – конец 1433 – начало 1434 г. [6. С. 66]. Время после ухода Юрия Звенигородского из Москвы и бегства его сыновей, оказавшихся во временной изоляции (по крайней мере видимой). То, что летописи не называют даже года смерти, наводит на мысль об особом отношении к Константину в окружении великих князей Василия II и Ивана III или, может быть, о некоторой странности его смерти. Для периода династических войн внезапные и подозрительные смерти стали обычным явлением. Наиболее ярким примером является смерть князя Дмитрия Юрьевича Шемяки, который был отравлен, о чем великокняжеские летописи второй половины XV в. предпочитают не говорить. В любом случае, стремление молчать о князе – оппоненте Василия Васильевича – даже в связи с событием, о котором молчать не принято, позволяет предположить, что князь Константин Дмитриевич был фигурой более влиятельной, чем этого хотелось победившей стороне.

Какими бы малочисленными ни были дошедшие до нас факты биографии князя, мы на основании летописных известий можем увидеть человека, не лишённого полководческих талантов и способностей администратора. Этот князь держал в напряжении и своего старшего брата, и великого князя Василия I Дмитриевича, и окружение нового

великого князя Василия II до момента своей смерти в 1433 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Наука, 1992. Т. IV. 478 с.; 1993. Т. V. 560 с.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей / под ред. Л.В. Черепнина М., 1950.
3. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 18 кн. М.: Голос, 1993. Кн. 2. 768 с.
4. Пресняков Е.А. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. VI, 458 с.
5. Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. XIV–XV вв. Очерки социально-экономической и социально-политической истории Руси. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.
6. Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV века. М.: Наука, 1991. 286 с.
7. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 18: Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. 316 с.
8. ПСРЛ. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. 413 с.
9. ПСРЛ. Т. 27: Никаноровская летопись. Сокращенные своды конца XV века. М.: Языки славянской культуры. 2007. IX, 417, [1] с.
10. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. [LXII] 146 с.
11. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 [14] с.
12. ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. Новгородская IV летопись. М., 2000. 686 [4] с.